

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ?

(S. LUNDSTRÖM. *Ovids Metamorphosen und die Politik des Kaisers*. Uppsala, 1980)

Вопрос о границах дозволенного при интерпретации художественного текста с точки зрения его политической направленности и исторических реалий уже давно требует принципиального решения. Эта проблема важна для советской исторической науки и приобретает особую значительность перед лицом той безудержной модернизации античности и игнорирования специфики литературного произведения, которые отличают многие современные исследования за рубежом. Весьма показательна в этом отношении недавно вышедшая в Швеции книга Св. Лундстрема «„Метаморфозы“ Овидия и политика императора». Казалось бы, исследователь, взявшийся за решение такого вопроса, должен был прежде всего тщательно разобраться в общем содержании того памятника, который он собирается интерпретировать. Ведь известно, что поэма Овидия весьма сложное и своеобразное художественное целое, посвященное мифам о превращениях. Греческие и римские легенды рассказываются здесь в соответствии с той концепцией постепенного восхождения человечества к вершине его истории — к веку Августа, которая лежит в основе произведения. Овидия интересует проблема бессмертия и подчинения человеком стихийных иррациональных сил жизни. «Метаморфозы» — это своеобразный микрокосмос со своими внутренними законами, и выдер-

гивание из поэмы отдельных эпизодов и мотивов и их произвольное толкование неизбежно приводят к грубым ошибкам и передержкам.

Лундстрем ставит перед собой весьма примитивно сформулированную задачу: показать, «какие отдельные мотивы и детали могли вызвать гнев Августа» (с. 11). Выхватывая из поэмы разрозненные эпизоды, он прямо сопоставляет их с брачными законами и религиозной политикой Августа, видя каждый раз резкие расхождения Овидия с официальной идеологией. Первый раздел книги называется «Сексуальная мораль». Не скрывая своего осуждения, автор разбирает здесь миниатюры поэмы, посвященные противоестественной любви Нюктимены, Библиды и Мирры. При этом особое внимание он уделяет легенде об Ифисе и Ианте (IX, 666—797).

Дело в том, что, используя предание, рассказанное еще Никандром, о чудесном превращении девушки в юношу, Овидий вместо богини-помощницы Латоны, как было у Никаандра, вывел в этой роли Исиду. Однако Август, как известно, уничтожил в Риме святилища этой восточной богини, и поэтому всякое упоминание о ней представляется Лундстрему выпадом против принцепса. Уже сам факт исключения из повествования матери бога покровителя Августа — Аполлона должен был якобы обидеть главу римского государства (с. 14). Между тем культ богини Исиды был, как известно, широко распространен среди простого народа во времена Овидия, родители же Ифиса в «Метаморфозах» как раз и принадлежали к числу простонародных персонажей (Met. IX, 671—672).

Поэт хотел показать чудо превращения и обратился к колоритной восточной религии с ее магией и волшебством. Вряд ли приобщенность Латоны к этому миру способствовало бы ее возвеличению как матери Аполлона. Кроме того, возлюбленная Юпитера Ио, с которой у греков отождествлялась Исида, была одной из героинь второй книги «Метаморфоз». Поэтому было важно показать, как некогда несчастная Ио стала впоследствии могущественной богиней. Едва ли можно уместить в этом эпизоде какие-нибудь оппозиционные мотивы, тем более что богиня Исида со своими божественными спутниками часто изображалась в римской стенной живописи современной Овидию¹. Что же касается преступной любви Мирры и Библиды, то мифологические циклы на тему недозволенной страсти были также весьма излюблены стенной живописью и принадлежали к мифологической «вульгате»².

Другое дело, что Овидий, интерпретируя миф, выделяет такие психологические моменты и детали, которые оскорбляли, вероятно, нравственные чувства приверженцев старой морали, но это уже объясняется всем новаторским характером его эпоса, не укладывающегося в рамки классицизма. Однако этот вопрос требует глубокого и всестороннего рассмотрения и не может быть решен методом изолированного анализа отдельных разрозненных эпизодов. Лундстрем готов видеть прямой политический выпад даже в словах Библиды: *sequitur magnoque exempla deorum* (IX, 565). По его мнению, здесь намекается на то, что Клеопатра была женой своего брата, а ее сын Цезарион, всякое воспоминание о котором было неприятно Августу, родился от Юлия Цезаря (с. 17). Исследователь постоянно перескакивает с одного мотива на другой, нарушая при этом элементарные законы логики. Не ясно, как связывается между собой факт брака Клеопатры с Птолемеем и рождение Цезариона. Очевидно, Лундстрем стремится представить себе реакцию Августа на прочитанное: имя Клеопатры должно было неизбежно вызвать у него воспоминание об убитом им Цезарионе. Однако ни о Клеопатре, ни о сыне Цезаря в «Метаморфозах» нет ни одного слова. Представить же себе психологию читающего поэму сурового цензора Августа — вряд ли возможная и научно оправданная задача.

В главе, возглавленной «Боги», исследователь стремится показать, что Овидий — противник августовской религиозной политики и даже «враг государственной религии» (с. 20). И действительно, многие боги в «Метаморфозах» мстительны, несправедливы и мелочны. Они часто не только не могут помочь людям, но бессильны справиться и с собственными страстями. Особенно мрачно выглядит в этом отношении Аполлон — бог, глубоко почитавшийся принцепсом. Именно Аполлон жестоко расправляется с сыновьями Ниобы, наказывает Марсия, выступает в роли хвастливого воина в споре

¹ *Scheffold K. Pompejanische Malerei (Sinn und Ideengeschichte)*. Basel, 1952, S. 58—59.

² *Ibid.*, S. 85—89.

с Амуром. Но если встать на точку зрения Лундстрема, то нужно признать, что вся греческая мифология противоречит официальной идеологии, а между тем сам ученый пишет, что легенда о Марсии была широко распространена в Италии и его статуи можно было видеть во многих городах (с. 26). Совершенно ясно, что мифологическая вульгата жила своей интенсивной жизнью в Августовском Риме и не только в произведениях Овидия, но и в стенной живописи, скульптуре, да и во многих поэмах современных Овидию поэтов, о которых мы так плохо осведомлены. Мир изобразительного искусства, представленный на римских виллах, в частных и публичных садах и парках был далек от политических тем и официальной идеологии. Именно с ним тесно связано все творчество Овидия, открывающее возможность проникновения в такие области римского искусства и культуры, которые трудно было бы себе представить без его элегий и поэм. Эту возможность Лундстрем не считает пугным использовать, тенденциозно истолковывая мифологические образы и сюжеты в «Метаморфозах». Даже в наказании Сицилии богиней Церерой он видит намек на жестокую расправу Августа с Сицилией после победы над Помпеем в 36 г. до н. э. Лундстрем считает возможным привлечь в качестве доказательства запрет Калигулы праздновать Сицилийскую и Актийскую победы, так как «они были печальны и губительны для римского народа» (Suet., 23, 12). Намекая на сицилийские события, Овидий, по мнению исследователя, «вступает в конфликт с Августовой идеологией» (с. 29). При таком толковании отбрасываются все мифологически важные для поэта связи Цереры и Прозерпины с Сицилией, на которой побывал сам Овидий, интересовавшийся и самой местностью и местными легендами. Все, что не относится к «делу», т. е. к весьма примитивно понятой «политике», беспощадно отбрасывается Лундстремом.

Удивительно наивно рассуждает он и по поводу эпизода «Алкмена и Галантида». В девятой книге «Метаморфоз» рассказывается, как Гера, ненавидевшая Алкмену, послала богиню родов Илифию для искусственной задержки появления на свет Геракла. Между тем богине Илифии воздавали почести во время секулярных игр, ее упоминает и Гораций в своем знаменитом гимне, а следовательно, как полагает Лундстрем, отрицательная характеристика этой богини у Овидия свидетельствует все о той же оппозиционности (с. 36). Не менее наивны и его рассуждения о том, что римляне верили в оракулы, а Овидий не верит и тем самым вступает в конфликт с официальной религией (с. 37—38).

Цари, по замечанию исследователя, часто выводятся у Овидия в отрицательном свете, однако и из этого наблюдения делается весьма прямолинейный вывод: раз цари в «Метаморфозах» — своего рода «бандиты», то и Август не должен пользоваться у поэта авторитетом. Единственный царь, о котором Овидий говорит с почтением, — это Пик, но хвалит его в поэме простая служанка, и, кроме того, речь идет о любви, а не о политике (с. 48)³.

Поэма Овидия богата сказочными мотивами, а добрые и справедливые цари — излюбленные герои народных сказок. К числу таких сказочных царей относится в «Метаморфозах» Кеикс, наделенный даже «светящимся ликом»; аналогичные черты приписаны и Пикю. В «исторической» части поэмы справедливыми царями являются Нума и Ромул. Эти образы не вписываются в схему, начертанную Лундстремом, и, естественно, игнорируются им. Подгонка сложного материала под предвзятую схему — один из самых серьезных недостатков многих исследований, посвященных творчеству Овидия.

В разделе о «Воинственных героях» исследователь стремится показать, что Овидий — противник войн и даже высмеивает в «Метаморфозах» традиционную героическую эпопею. Вывод ученого несомненно справедлив, но и в этом вопросе его интересует только соотношение позиции Овидия с политикой Августа, а между тем рассмотрение этой проблемы во всем объеме неизбежно привело бы к открытию новаторского и «антигероического» характера универсальной (*carmen perpetuum*) поэмы Овидия. Поэт показывает, что человек постепенно подчиняет себе иррациональные стихии жизни не «силой рук», а своим разумом, добротой и искусством. С этой точки зрения чрезвы-

³ В своем выводе о демократических симпатиях Овидия ученый прав, но и здесь нужны были бы основательные доказательства. Подробному рассмотрению этого вопроса посвящен один из разделов моей докторской диссертации о «Метаморфозах» Овидия и подготавливаемая к печати книга «Овидий. Анализ творчества».

чайню интересен спор Одиссея и Аякса в XIII книге о доспехах Ахилла. Он не мог не привлечь и внимания Лундстрема, который, однако, пришел при интерпретации этого эпизода к совершенно парадоксальным выводам. В речи Одиссея он увидел злобные намеки на Августа и издевательства над ним, как плохим полководцем (с. 54). В словах Одиссея о том, что он побудил Ахилла вступить в бой с троянцами, Лундстрем усматривает издевку над принцем, любившим ридиться («под Ахилла»). Известно, что статуя из Прима Порты представляла собою модификацию скульптуры Поликлета «Ахилл». Никаких симпатий к Одиссею у Овидия Лундстрем не заметил (с. 55). Между тем именно в этом эпизоде «невоинственность» Овидия проявляется особенно наглядно. Одиссей прямо упрекает Аякса в том, что тот умеет действовать только «силой рук», что он «тупой» воин, ничего не смыслящий ни в искусстве красноречия, ни вообще в искусстве. Требуя себе щит Ахилла, он даже не в состоянии разобраться в его художественном совершенстве (XIII, 290—295). Сам же Одиссей владеет и чарующим даром речи, и разумом, что гораздо важнее в решении вопросов войны и мира, чем тупая физическая сила Аякса.

В этом эпизоде рельефно показаны положительные черты нового героя, созвучные культуре века Августа и отвечающие идеалу Овидия. Конечно, этот идеал не совпадает во всех отношениях с официальной идеологией принципата, и показать это на анализе художественных образов поэмы было бы очень важно. Выводы, которые удалось бы сделать на этом материале, были бы гораздо значительнее и глубже, чем те поверхностные заключения, к которым приходит в своих наблюдениях Лундстрем.

Разбирая в разделе «Энеида» отличительные особенности трактовки Овидием исторических легенд, Лундстрем и здесь высказывает неожиданные суждения. Так, например, рассуждая по поводу золотой ветви, которую указывает Эней у Овидия сама Сивилла, Лундстрем вдруг проводит аналогию между этой ветвью и той, в которую превращаются ветви деревьев от прикосновения Мидаса. Этот рассказом, по словам исследователя, поэт «профанирует» саму идею «золотой ветви» (с. 60), а Мидаса насмешливо выводит в роли «родоначальника Юлиев», не проявляя к этому роду никакого «пиетета» (с. 61). Подобные умозаключения, которыми изобилует книга, настолько натянуты и произвольны, что вызывают лишь удивление.

Оскорбление Августа Лундстрем видит и в характеристике древнего италийского царя Ремула: *Remulus... fulmineo perit, imitator fulminis, ictu* (XIV, 617—618). Речь здесь идет о царе, которого Аврелий Виктор (*De Caes.* 18, 2—4) называет *Aemulus Silvius*. Обуюнный гордыней, он изображал из себя Юпитера, имитируя гром в молнию, за что и был поражен перуном и утопнул в Албанском озере⁴. Гордыня, как считает Лундстрем, приписанная одному из «предков» Августа, должна была неизбежно вызвать враждебную реакцию принцепса (с. 62). Между тем поэт здесь использует мифологический мотив, о котором упоминают римские анналисты и Тит Ливий.

В главе «Акций» рассматриваются выпады Овидия против Актийской победы. Здесь уже всякое «лыко» ставится «в строку». Проплывая мимо города Амбракии, Эней и его спутники «видят Амбракию — предмет спора между богами — и судью, превращенного в камень, видят Амбракию, ныне известную по Актийскому Аполлону»⁵ (XIII, 714—715). В первой книге «Изменений» Никандр рассказывал о споре Аполлона, Дианы и Геракла из-за Амбракии. Справедливый и мудрый Крагелай, приглашенный в качестве третейского судьи, присудил победу Гераклу и был за это превращен в камень. Октавиан, одержав в Амбракийском заливе 2 сентября 31 г. до н. э. победу над Антонием, расширил и роскошно отделал находившийся на берегу храм Аполлона и основал новый город Никополь, куда переселил жителей Амбракии. В упоминании об этом городе скрыт у поэта, как думает Лундстрем, вызов официальной идеологии, так

⁴ В переводе С. В. Шервинского (Овидий. Метаморфозы. М., 1977, с. 355, ст. 618) в этом месте допущена погрешность из-за неверного понимания слова *imitator* («Ремул от грома погиб, сам грома удару подобен»). Переводчик не понял слова *imitator*, которое значит «подражатель».

⁵ У С. В. Шервинского читаем: «И судьи, обращенного в камень обличье | Видят, что всюду теперь Аполлоном зовется Актийским» (там же, 329, ст. 714—715). Получается, что превращенный в камень судья зовется Аполлоном. Это бессмысленно. Ошибка произошла из-за неправильного понимания предлога *ab*, который здесь обозначает не действующее лицо, а происхождение («Получила известность по Актийскому Аполлону»).

как, во-первых, Аполлон выступает здесь в роли карающего божества, а не светлого бога, помогавшего Августу одержать победу, во-вторых, уже само упоминание об Амбракни было, по меньшей мере, бестактно со стороны Овидия. Все эти домыслы и рассуждения Лундстрема весьма сомнительны. Поэма Овидия посвящена мифам о превращениях и, рассказывая о плаваньи Энея, он, естественно, обращает особое внимание на легенды о чудесных превращениях.

Стремлением ученого доказать, что поэт непрерывно оскорбляет Августа, отличается и раздел книги «Кип». Очень важно, по мнению исследователя, что Кип отказывается от царской власти не в момент отправления в поход, как у Валерия Максима, а когда возвращается после победоносной войны, чтобы получить триумф, как Август после своих побед. В противоположность Августу он в этот момент отказывается от царства, но прикрывает свои рога — символ самодержавной власти — лавровым венком, который, согласно постановлению сената, Август мог носить когда пожелает. Ведь на монетах с 16 г. до н. э. он постоянно изображался в *corona triumphali*. Статье быть, заключает Лундстрем, Овидий, намекая на принцепса, хочет сказать, что Кип благороден, а Август — деспот (с. 73—74).

Действительно, в миниатюре о Кипе можно найти известную идеализацию государственных деятелей времен Республики, как это хотел в свое время показать и В. Марг (Gnomon, т. 21, 1945, с. 56). Однако и здесь речь идет о сложном вопросе, требующем подробного исследования, но Лундстрем предпочитает одностороннее решение; этим же путем он идет и при анализе миниатюры «Эскулап» (XV, 622—744). Во время эпидемии 291 г. до н. э., по совету Сивиллиных книг, из Эпидавра в Рим привезли священную змею из святилища Аскления. Об этом рассказывается у Валерия Максима (*De miraculis* I, 8, 2) и у Аврелия Виктора (*De vir. illustr.* 22). У Овидия совет привезти божество в Рим дает Дельфийский оракул, а не Сивиллины книги. Комментаторы Овидия М. Гаупт, Р. Эвальд и современный издатель их комментария с исправлениями М. Альбрехт предполагают, что Овидий опирается на свой же рассказ в «Фастах» о переселении в Рим богини Фибелы (*Fast.* 4, 255). В этом случае сначала указание было дано Сивиллами, а затем к этому присоединился и Дельфийский оракул⁶. Овидий, безусловно, ограничился в поэме указанием на Дельфийский оракул сознательно. И напрасно Лундстрем считает, что поэт смеется, называя Дельфы «центром мира» (*Met.* VI. 630—631). Это как раз важный для поэта мотив, потому что ему нужно показать, что греческие боги на данном этапе «истории» покидают прежние греческие центры, чтобы переселиться в новую столицу мира — Рим (XV, 736—737). Именно поэтому он и отказывается от версии с Сивиллиными книгами, о которых речь пойдет дальше, в «римском разделе» поэмы. Лундстрем вообще сильно преувеличивает юмористическую окраску в повествовании Овидия. Он сравнивает путешествие змея на корабле с современными туристическими поездками, а каталог местностей, мимо которых проплывает божество, с путеводителями для туристов (с. 86—87). Известный добродушный юмор, действительно, присущ всему рассказу: змей ведет себя как римский магистрат, показана его «мимика» и настроение сопровождающей его толпы. Но как раз в этом заключительном эпизод Овидий как бы расстается с греческими темами, чтобы посвятить оставшуюся часть поэмы римским легендам, при изложении которых и этот стиль и юмористический колорит уже невозможны для поэта. Лундстрем же и в этом легком юморе Овидия (юмор — очень важная черта в поэтическом творчестве поэта) готов видеть злобные намеки на связь самого Августа со змеем. Он вспоминает легенду о чудесном рождении Октавиана от Аполлона, явившегося Атии в образе змея (с. 89), и присоединяет выпады принцепса против Клеопатры, принадлежавшей, по словам Августа, к народу, который обожествляет змей и других животных (*Dio Cass.*, 50, 24, 6). Как увязывается чудесная змея, явившаяся Атии, с египетским обожествлением змей, порицаемым Августом, остается неясным у Лундстрема. Разные мотивы объединяются у него в одно целое, чтобы убедить читателей в том, что Овидий, «сравнивая Августа с Эскулапом», высмеивает принцепса (с. 88—89).

Последний раздел книги посвящен Августу. Принято считать, что конец поэмы — это своего рода торжественное заключение, в котором, как в последних аккордах сим-

⁶ P. Ovidius Naso. *Metamorphosen*. M. Haupt, Zweite Auflage von R. Ehwald. Korrigiert und bibliographisch ergänzt von M. v. Albrecht. II. Zürich, 1966, S. 475.

фонии, звучат, по словам О. Риббека, торжественные фанфары. По мнению Лундстрема, все это не соответствует действительности. Оказывается, что и в этой части «Метаморфоз» поэт всячески принижает и Цезаря и Августа. При этом издевку поэта Лундстрем видит даже в подборе определений и выборе изобразительных деталей. Так, например, перечисляя победы Цезаря, Овидий почему-то не упоминает о Галлии, а говорит о Британии, но, называя британцев *aequoгеos* (XV, 752), он хочет, оказывается, сказать, что окруженные водой острова не представляли интереса для римлян и поход Цезаря в Британию был в сущности бесполезен (с. 92—93). Говоря о подчинении Египта, Овидий описывает плавание победоносного флота по «папирусоносному Нилу» (XV, 753—754). Однако на самом деле поэт, по мнению Лундстрема, намекает на развлекательное путешествие Цезаря с Клеопатрой по Нилу, во время которого он знакомился с богатствами страны (Suet., Div. Iul. 52, 2,) т. е. речь идет в «Метаморфозах» не о военных подвигах, а о романе Юлия Цезаря с египетской царицей. Напоминать об этом Августу было со стороны Овидия дерзостью (с. 93). Плохо, что Овидий называет пумидийцев, побежденных Цезарем, *rebelles* (XV, 754), намекая на то, что они и потом бунтовали, а значит, победа над ними не была полноценной (с. 94). Еще хуже, что Юба именуется *cinurhius*. Оказывается, что прилагательное не только значит «африканец» («кинифиец» — по имени маленькой речки *Cinyps*, текущей к западу от *Leptis Magna*), но и «варвар», и «козел», «волосатый человек». Имя Юба у римлян ассоциировалось с «гривой» (*juba*), а Овидий присоединяет сюда и «бороду» (оставим на совести Лундстрема все его этимологические рассуждения). Ведь Юбу и на монетах изображали с густой шевелюрой и «козлиной бородой» (с. 95—96). Но раз Овидий издевается над Юбой, то и победе над ним Цезаря «цена грош».

Овидий, действительно, не считает военные победы Цезаря самым главным в его деятельности, и это сказано им достаточно ясно, так что не требует фантастических интерпретаций текста. Поэт подчеркивает, что самым главным деянием Цезаря было рождение сына, при котором на земле установился вечный мир между людьми и богами, а значит, исчезла опасность потери индивидуального облика, которая грозила людям на прежних этапах истории. Говоря о том, что Цезарь — отец Августа, Овидий, по мнению Лундстрема, хочет задеть принцеса намеком на то, что на самом деле он был только адоптирован Цезарем, хотя и именовался с 42 г. до н. э. *Divi filius*. Больше того, поэт опять, в который уже раз, язвит Августа скрытым напоминанием об убитом им настоящем сыне Юлии Цезаря — Цезарионе. Все эти домыслы всецело принадлежат богатой фантазии Лундстрема, что же касается того, что Овидий именуется Цезаря отцом Августа, то тут, вероятно, важна скрытая параллель с мифом о Фениксе, который так существен для Овидия в общей его концепции превращений. Однако вопросы «глубинной» интерпретации не интересуют ученого. Смешным кажется ему, что Венера собирается скрыть Цезаря от убийц облаком, как будто она повсюду носит это облако с собой (XV, 769). Между тем речь идет о важном для Овидия эпизоде. В «Илиаде» Афродита именно таким способом спасала любимых героев, а теперь, на римском этапе истории, речь должна идти не о временном спасении, а об апофеозе, о получении бессмертия, и это, по мысли Овидия, является завоеванием человечества.

Даже в легенде о превращении души Цезаря в комету Лундстрем готов видеть элементы насмешки. Здесь нет ничего величественного, так как это превращение лишь одно из бесконечного ряда метемпсихозов, описанных Овидием. А ведь сам поэт в «Тристыях» называет превращения «недоверенными» (*in non credendos corpora visa modos — Trist. II, 64*). Прибегая к подобной антинаучной «казуистике», Лундстрем упорно бьет все в одну и ту же точку: Овидий злобно ненавидит правителей Рима.

Удивительны по своей абсурдности те выводы, к которым он приходит в конце своей интерпретации поэмы.

В «Метаморфозах» поэт дважды высказывает пожелание Августу, чтобы он как можно позже покинул землю и поднялся к небожителям (XV, 448—449 и в конце поэмы). Того же желал принцессе и Гораций (Сарм. I, 2, 45—49). Однако у Горация речь шла о 37-летнем правителе, а Овидий говорит о 70-летнем старце. Очевидно, заключает Лундстрем, за этим скрывается мысль: «как долго еще мы будем жить при этом правлении!» (с. 101—104). Поистине нет предела произволу исследователя, проявляющего глубокое неуважение к великому произведению римского художественного гения.

Конечно, Овидий не был поклонником Августа и его искренним почитателем, но многие современные исследователи творчества Овидия, анализируя отношение поэта к принцепсу, путают два вопроса. Вопрос о том, как поэт расценивал время, в которое он жил (век Августа), и его личное отношение к правителю Рима. Овидий радуется, что живет в то время, которое представляется ему вершиной в развитии человечества. Ведь к нему движется все повествование в поэме, в нем гармонично разрешаются трагические конфликты мифологических разделов, но к самому принцепсу Овидий относится скептически. Об этом свидетельствует авторская sphragis в конце «Метаморфоз». Это доказывает и поэзия изгнания. В «Тристиях» предстают все время два образа, сознательно противопоставленные: обаятельный образ незлобивого поэта-изгнанника, одаренного высоким талантом и сурового деспота, не снисходящего к трогательным мольбам несчастного ссыльного. Овидий рассчитывал, что современники и потомки сумеют разобраться в исторической истине, и гениальная оценка творчества и личности Овидия Пушкиным оправдала эти надежды изгнанника.

Н. В. Вулик

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ